Елена Неделько

старушка пошла в разнос

Наследница

Елена Неделько

Старушка пошла в разнос. Наследница

«Автор»
2026

Неделько Е.

Старушка пошла в разнос. Наследница / Е. Неделько — «Автор», 2026

Год прошёл с той ночи, когда Аня спустилась в чёрную воду старого ключа и усыпила Хозяина. Год, как она перестала быть городской и стала ведьмой. Год, как вышла замуж и научилась кидать соль, держать топор и не бояться того, что смотрит из леса.Жизнь наладилась. Деревня спит спокойно. Бабушка Зоя Петровна также печёт пирожки. Кот Васька спит на заборе. Тени на опушке машут рукой. Тишина. Покой. Уют.Пока однажды в дверь не постучат.«Хозяин ушёл. Но он вернётся. И когда он вернётся — он придёт не один».Уютный хоррор о пирожках, наследниках и о том, что семья — это не только кровь, но и соль, которую ты сыплешь на порог. Каждую ночь. Три раза. Крест-накрест.Вторая книга истории

© Неделько Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Год спустя, или Дом, который сам себя не построит» 5
Глава 2. «Мальчик, который видел слишком много» 9
Глава 3. «Сон, в который не ходят по одному» 15
Глава 4. «Оля, которая ничего не помнила» 20
Глава 5. «Сходка, на которой решали судьбу мальчика» 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Елена Неделько
Старушка пошла в разнос. Наследница

Глава 1. «Год спустя, или Дом, который сам себя не построит»

Знаете, что самое сложное в жизни ведьмы?

Нет, не Хозяин. Не прохвост. Не тени в лесу и не чёрная вода в ключе.

Самое сложное — это ремонт.

— Аня! — бабушкин голос из-под пола. — Ты мне там что, цемент жалеешь? Лей нормально! Чтобы на совесть!

Я стояла на кухне с ведром раствора и смотрела в подпол, откуда торчала бабушкина голова в платке и с мастерком.

— Бабуль, ты вообще должна отдыхать. Фельдшер сказал — месяц покоя. Ты помнишь?

— Помню, — бабушка махнула мастерком. — Месяц прошёл. Всё. Хватит отдыхать. Фундамент гниёт. Если не сейчас — то когда? Зимой, что ли? Чтобы меня потом вместе с домом и засыпало?

Я вздохнула и вылила цемент в подпол.

Год прошёл. Целый год с той ночи, когда мы усыпили Хозяина. Год с тех пор, как я перестала быть городской и стала... кем? Ведьмой? Женой инженера? Деревенской?

Всеми сразу, наверное.

За этот год многое изменилось. Максим достроил свою мастерскую — теперь у него был не сарай, а настоящий цех с верстаками, паяльниками, приборами и кучей железок, в которых я не понимала ни бельмеса. Его «Соль-2» обросла новыми функциями: теперь она умела не только пищать и находить, но и «чуять» настроение леса, показывать погоду на три дня вперёд и — Максим особенно этим гордился — включать музыку. Бабушка сначала ругалась («Что это за песни? Тьфу!»), а потом привыкла и даже иногда просила: «Инженер, а включи-ка мне этого... как его... Шаляпина». Максим включал. Бабушка слушала. Кот Васька спал.

Деревня тоже изменилась. После той ночи у нас появилась своя «дружина» — мужики по очереди дежурили на опушке. С солью, с топорами, с ружьями (правда, ружья всё ещё не стреляли, но выглядели грозно). Тётя Люба организовала «женсовет по травам» — собирали полынь, крапиву, зверобой и сушили на чердаке у бабушки. Витька бросил хулиганить и записался в клуб на танцы. Ходил каждый вечер. Говорил, что «для здоровья».

А я училась. Всё ещё училась. Бабушка гоняла меня нещадно. Соль. Нож. Круги. Заговоры. Травы. «Смотреть». «Слушать». «Дышать». Иногда мне казалось, что я никогда не выучу всё это до конца.

— Не выучишь, — сказала бабушка, когда я ей об этом сказала. — Ведьма учится всю жизнь. Как только решишь, что всё знаешь, — всё, конец. Или ты, или оно.

Так что я училась.

А сегодня был особенный день.

Сегодня мы ставили новый фундамент.

— Аня! — снова бабушка. — Ты чего застыла? Лей!

— Лью, бабуль, лью!

Я вылила остатки. Бабушка выбралась из подпола — вся в цементе, но довольная.

— Ну вот, — сказала она. — Другое дело. Теперь этот дом ещё сто лет простоит. А то и двести. — Она посмотрела на меня. — Ты чего? Устала?

— Нет, — сказала я. — Просто... задумалась.

— О чём?

Я помолчала.

— Бабуль. А что дальше?

Бабушка вытерла руки о фартук.

— В смысле?

— Ну... — я замялась. — Хозяин спит. Прохвост ушёл. Всё тихо. Мирно. Что дальше? Что нам делать?

Бабушка посмотрела на меня внимательно. Потом усмехнулась.

— Аня, — сказала она. — Ты думаешь, ведьма только и делает, что с нечистью воюет? Нет. Ведьма — это не война. Это жизнь. Каждый день. Каждую ночь. Травы собрать. Воду заговорить. Порог посолить. Корову вылечить. Ребёнка от сглаза уберечь. Мужика от пьянки отвадить. — Она помолчала. — Это не подвиг. Это работа. Каждый день.

— И что, всегда так? — спросила я. — Всегда тихо?

Бабушка засмеялась.

— Тихо? — Она покачала головой. — Аня, ты год тут живёшь. Ты видела хоть один тихий день?

Я задумалась. И правда. То у Петровых корова захромала — «не иначе, сглазили». То у тёти Любы молоко скисло раньше срока — «домовой обиделся». То Витька в лесу опять загулял — пришлось идти вытаскивать. То тени на опушке разволновались — что-то им не понравилось. То дед на поляне заворчал — «опять вы там что-то намудрили, покоя мне нет».

Тихо не было. Ни дня.

— Вот то-то, — сказала бабушка. — Ведьма без работы не сидит. А если сидит — значит, что-то не так. Значит, что-то пропустила.

Она подняла ведро.

— Ладно. Хватит философии. Пойдём обедать. А потом — к деду. Надо его проведать. Давно не были.

Мы пошли в дом. Я мыла руки, а сама думала.

Год прошёл. Год с той ночи. Я вышла замуж. Стала ведьмой. Усыпила Хозяина.

А что теперь?

Ответ пришёл неожиданно. Вечером. Когда мы уже собирались к деду.

В дверь постучали.

Я открыла. На пороге стояла женщина. Молодая, лет тридцати. В городском пальто, с чемоданом. Уставшая. Испуганная.

— Здравствуйте, — сказала она. — Вы Аня? Внучка Зои Петровны?

— Я, — сказала я. — А вы кто?

Женщина сглотнула.

— Я — ваша сестра. Двоюродная. Оля. Из города. — Она помолчала. — Мне нужна помощь. У меня... — она запнулась, — у меня сын. Ему пять лет. И он... — она посмотрела на лес за моей спиной, — он видит то, чего не должны видеть дети. И оно видит его. И оно идёт за ним.

Я замерла.

Бабушка вышла из кухни. Посмотрела на женщину. Потом на меня.

— Аня, — сказала она спокойно. — Впусти её. И закрывай дверь. Порог соли. Сейчас же.

Я отступила. Женщина вошла. Чемодан поставила у порога.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо, что...

И тут из-за её спины выглянул мальчик. Маленький. Худой. С большими глазами. Он посмотрел на меня — и улыбнулся.

— Здравствуй, тётя Аня, — сказал он. — А я тебя видел. Во сне. Ты там была с топором. И с солью. И с дядей с очками. — Он помолчал. — А ещё там была бабушка. Старая. Она сказала, что ты — моя.

Бабушка выронила полотенце.

— Аня, — сказала она тихо. — Закрывай дверь. Быстро.

Я закрыла. Посыпала порог солью. Крест-накрест. Три раза.

Мальчик смотрел на меня и улыбался.

— Тётя Аня, — сказал он. — А можно мне пирожок?

Глава 2. «Мальчик, который видел слишком много»

Мальчика звали Гриша.

Нет, не в честь дяди Гриши. Просто совпадение. Ему было пять лет, он был худой, как воробей, с большими серыми глазами и с привычкой смотреть не на человека, а чуть мимо — как будто за плечом у тебя стоит кто-то ещё.

Он съел три пирожка. Потом попросил четвёртый. Бабушка не отказала. Только смотрела на него внимательно, как смотрит врач на пациента, который ещё не знает, что болен.

Оля сидела рядом, сжимая чашку с чаем так, что костяшки белели. Рассказывала. Тихо, сбивчиво, иногда замолкая на полуслове.

— Всё началось месяца три назад. Гриша стал плохо спать. Говорил, что к нему кто-то приходит. По ночам. Стоит у кровати. Смотрит. Я сначала думала — фантазии. Дети же. Воображение. — Она сглотнула. — А потом он начал рисовать. Вот.

Она достала из сумки пачку рисунков. Я разложила их на столе.

Детские рисунки. Кривые домики, солнце в углу, деревья. А на каждом — фигура. Высокая. Чёрная. Без лица. С длинными руками. Она стояла у кровати. У окна. У двери. Всегда рядом. Всегда близко.

— Это он рисовал каждый день, — сказала Оля. — По несколько раз. Я выбрасывала — он рисовал снова. Говорил: «Мама, он хочет, чтобы ты увидела».

Бабушка взяла один рисунок. Повертела. Понюхала.

— Когда он начал? — спросила она. — Точно. День. Час.

Оля задумалась.

— В июне. Двадцать третьего. Я помню, потому что это был его день рождения. Мы ходили в парк. А вечером... — она запнулась, — вечером он сказал, что видел в парке «дедушку». Старого. С палкой. Дедушка помахал ему рукой. Я не придала значения. Мало ли стариков в парке. А потом... — она посмотрела на сына, — потом Гриша сказал, что дедушка пришёл к нам домой. Ночью. Стоял у кровати. И сказал: «Я тебя жду».

Бабушка нахмурилась.

— Двадцать третьего июня, — повторила она. — День рождения. — Она посмотрела на меня. — Аня. Что было двадцать третьего июня?

Я задумалась. Июнь. Прошлый год. Мы тогда...

— Хозяин, — сказала я. — Мы усыпили Хозяина двадцать третьего июня. Ночью.

Бабушка кивнула.

— Вот именно. — Она повернулась к Оле. — А ты, милая, где была в ту ночь?

Оля побледнела.

— Я... я дома была. В городе. С Гришей. Он спал. А я... — она замялась, — я телевизор смотрела.

— А он? — бабушка кивнула на Гришу. — Он спал?

— Спал. Крепко. Я проверяла.

Бабушка помолчала. Потом посмотрела на мальчика.

— Гриша, — сказала она мягко. — Подойди сюда.

Гриша слез со стула. Подошёл. Бабушка взяла его за руки. Закрыла глаза.

Я почувствовала, как в комнате стало холоднее. Свеча на столе — электричества у нас не было, только свечи да керосинка — замерцала.

— Гриша, — сказала бабушка. — Скажи мне. Тот дедушка. Он тебе что-нибудь говорил? Ну, кроме «я тебя жду»?

Гриша кивнул.

— Говорил. Много. — Он помолчал. — Он говорил, что я — его. Что я должен пойти с ним. Что он меня научит. Что я буду... — мальчик замялся, — сильный. Как он.

Бабушка открыла глаза. Посмотрела на Олю.

— А ты? — спросила она. — Ты его видела? Ну, этого дедушку?

Оля покачала головой.

— Нет. Только Гриша. Я... я думала, это фантазии. Водила его к психологу. Психолог сказал — возрастное. Пройдёт. — Она всхлипнула. — А оно не прошло. Оно стало хуже. Гриша перестал спать. Перестал есть. Стал рисовать эти... эти рисунки. А потом...

— Что потом? — спросила я.

— Потом он начал говорить. Во сне. Не своим голосом. Низким. Взрослым. — Оля вытерла слёзы. — Я записала. На телефон. Вот.

Она достала телефон. Нажала на запись.

Из динамика полился голос. Детский. Гришин. Но слова были не его. Взрослые. Тяжёлые. Знакомые.

— «Зоя, — говорил голос. — Зоя, ты думаешь, что победила? Ты думаешь, что усыпила меня? Я не сплю. Я жду. Я всегда жду. И теперь у меня есть он. Маленький. Чистый. Он будет моим. Он уже мой. Ты не сможешь его забрать. Потому что он — кровь твоя. Кровь ведьмы. И он — мой».

Запись кончилась.

В комнате стало тихо.

Бабушка сидела бледная. Смотрела на Гришу. Мальчик стоял рядом, смотрел на неё. И улыбался.

— Бабушка, — сказал он. — А ты меня научишь? Ну, как тётя Аня? Ты же меня тоже научишь? Я тоже хочу быть ведьмой. Только мальчиком. Ведьмаком.

Бабушка медленно выдохнула.

— Аня, — сказала она. — Соль. Вокруг него. Быстро.

Я схватила мешочек. Начала сыпать.

— Что вы делаете? — Оля вскочила. — Что вы делаете с моим сыном?

— Спасаем, — сказала бабушка. — Пока не поздно.

Круг замкнулся. Гриша стоял в середине. Смотрел на нас. И вдруг улыбка сползла с его лица. Глаза стали другими. Взрослыми. Злыми.

— Зоя, — сказал он. Голос был детский, но интонации — не его. — Ты думаешь, соль тебе поможет? Я же в нём. Я не снаружи. Я внутри. Ты не выгонишь меня, не навредив ему.

Бабушка шагнула вперёд.

— А ты уверен? — спросила она.

— Уверен, — сказал Гриша. — Я же не прохвост. Я — Хозяин. Я старше. Я умнее. И я знаю: ты не тронешь ребёнка. Ты не сможешь. Ты же ведьма. Ведьмы детей не обижают.

Бабушка усмехнулась.

— Ведьмы детей не обижают, — согласилась она. — Но ведьмы детей и не отдают. — Она повернулась ко мне. — Аня. Нож. Режь круг.

— Что?!

— Режь. И беги за инженером. Скажи ему: «Протокол "Наследник"». Он поймёт.

Я не поняла. Но побежала.

За спиной я слышала, как Гриша смеётся. Детским смехом. И этот смех был страшнее любого воя.

Максим был в мастерской. Паял что-то. Когда я влетела, он поднял голову.

— Аня? Что случилось?

— Протокол «Наследник», — выпалила я. — Бабушка сказала.

Максим побледнел. Отложил паяльник. Встал.

— Понял, — сказал он. — Бери прибор. И соль. Всю. Какая есть.

— Что это за протокол? — спросила я, пока мы бежали обратно.

Максим не отвечал. Только ускорил шаг.

А когда мы подбежали к дому, я увидела, что у калитки стоит бабушка. Одна. Бледная. Топор в руке.

— Где Гриша? — спросила я.

Бабушка посмотрела на меня.

— Ушёл, — сказала она. — Ушёл в лес. Вместе с Олей. Она даже не поняла, что делает. Он её позвал. Голосом. Её голосом. Она пошла за ним. Как за своим ребёнком.

— В лес?! — я рванулась к калитке. — Надо их догнать!

— Стой! — бабушка схватила меня за руку. — Нельзя. Он этого и хочет. Чтобы мы пошли за ним. Поодиночке. В лес. Где он сильнее.

— И что тогда?! — крикнула я. — Что нам делать?!

Бабушка посмотрела на лес. На опушку. На тени, которые уже начали собираться.

— Воевать, — сказала она. — Снова. Но в этот раз — по-другому. — Она посмотрела на Максима. — Инженер. Протокол «Наследник». Ты знаешь, что делать.

Максим кивнул. Медленно. Тяжело.

— Знаю, — сказал он. — Только это опасно. Очень.

— А когда у нас было не опасно? — бабушка усмехнулась. — Пошли. В дом. Будем думать.

Мы вошли. Бабушка зажгла керосинку. Села за стол. Достала тетрадку.

— Аня, — сказала она. — Слушай внимательно. Ты знаешь, что такое «наследник»?

— Нет.

— Это ребёнок, в которого вселился Хозяин. Не прохвост. Не мелкая нечисть. Сам Хозяин. — Она помолчала. — Он не может существовать без тела. Когда мы его усыпили — он искал, куда деться. И нашёл. Мальчика. Кровного. Твоего. — Она посмотрела на меня. — Он выбрал Гришу не случайно. Он выбрал его, потому что он — твой. Кровь ведьмы. Он хочет, чтобы в деревне вырос новый Хозяин. Ведьмак. Только не наш. Его.

Я села. Ноги не держали.

— И что нам делать? — спросила я. — Как его вытащить?

Бабушка открыла тетрадку на последней странице. Там был рисунок. Круг. В круге — крест. В кресте — ребёнок.

— Есть способ, — сказала она. — Один. Рискованный. — Она посмотрела на меня. — Нужно, чтобы кто-то вошёл в сон Гриши. Нашёл его там. И вытащил. Из Хозяина. Изнутри.

— В сон? — переспросила я. — Как?

Бабушка посмотрела на Максима.

— Инженер, — сказала она. — Ты можешь?

Максим молчал. Долго. Потом сказал:

— Могу. Но для этого нужен... — он замялся, — проводник. Кто-то, кто уже был в контакте с Хозяином. Кто его чувствует. Кто может войти в сон и не потеряться.

Бабушка кивнула.

— Я, — сказала она. — Я пойду.

— Нет, — сказала я. — Я пойду.

Бабушка посмотрела на меня.

— Аня...

— Нет, бабуль. — Я встала. — Ты старая. Ты устала. Ты только что чуть не умерла. А я — молодая. Я его чувствую. Я его знаю. И я — его кровь. Он меня не тронет. Он думает, что я — его. — Я сглотнула. — Я пойду. И вытащу Гришу.

Бабушка молчала. Смотрела на меня. Потом улыбнулась.

— Вся в меня, — сказала она. — Упрямая. — Она вздохнула. — Ладно. Но я буду рядом. Снаружи. Держать круг. И если ты не вернёшься через час — я пойду за тобой. Поняла?

— Поняла, — сказала я.

Максим подошёл. Взял меня за руку.

— Аня, — сказал он. — Я тебя люблю. Ты знаешь?

— Знаю, — сказала я. — Я тебя тоже.

Он достал из кармана что-то маленькое. Кольцо. Медное. Простое.

— Я сделал, — сказал он. — Для тебя. Чтобы ты... ну... чтобы ты вернулась.

Я надела кольцо. Оно было тёплое.

— Вернусь, — сказала я. — Обещаю.

А ночью мы пошли в лес.

Я — впереди. Бабушка — за мной. Максим — с прибором.

И тени на опушке — я видела — шли с нами.

Глава 3. «Сон, в который не ходят по одному»

Лес ночью — это не то же самое, что лес днём.

Днём он шумит, дышит, живёт. Ночью — он смотрит. Молча. Тяжело. Как старик, который знает про тебя всё, но не говорит, а ждёт, когда ты сам споткнёшься.

Мы шли по бабушкиной тропе — той самой, что вела к дубу. Я впереди, с топором. Бабушка за мной, с ножом и мешочком соли. Максим замыкал, с прибором. Тени шли по бокам. Не мешали. Просто сопровождали.

— Бабуль, — прошептала я. — А как это будет? Ну, сон? Я что, засну и... окажусь там?

— Не совсем, — сказала бабушка. — Ты не заснёшь. Ты войдёшь. Это другое. — Она помолчала. — Инженер, объясни.

Максим прокашлялся.

— Я настроил прибор на... — он замялся, — на частоту сна. Ну, грубо говоря. Есть такое состояние — между сном и явью. Граница. Там можно... — он подыскивал слова, — пройти сквозь. Если знать, куда идти. И если тебя кто-то держит.

— Кто держит?

— Бабушка, — сказал Максим. — Она будет держать тебя за руку. Всё время. Как только отпустит — ты потеряешься.

Я посмотрела на бабушку.

— Ты будешь держать меня за руку?

— Буду, — сказала бабушка. — Крепко. Не бойся. — Она усмехнулась. — Я хоть и старая, но хватка у меня ещё та.

Мы вышли на поляну. К дубу. К дедову холмику.

Бабушка остановилась.

— Здесь, — сказала она. — Здесь граница тонкая. Дед рядом. Он поможет.

Она достала из кармана свечу. Восковую, толстую, с вырезанными на ней символами. Поставила на землю. Зажгла.

— Аня, — сказала она. — Садись. Спиной к дубу. Лицом к лесу.

Я села. Спина упиралась в тёплую кору. Передо мной — лес. Тёмный. Глубокий.

Бабушка села рядом. Слева. Взяла меня за руку. Крепко.

— Максим, — сказала она. — Прибор.

Максим включил. Прибор загудел. Экран засветился. На нём — точка. Гриша. Где-то там. В лесу. Далеко.

— Аня, — сказал Максим. — Смотри на экран. Не отводи глаз. Думай о мальчике. О том, как его зовут. Как он выглядит. Как он смеётся. Всё, что помнишь. Всё, что чувствуешь. — Он помолчал. — И когда почувствуешь, что проваливаешься — не бойся. Это я. Я тебя держу. С этой стороны.

Я кивнула. Посмотрела на экран.

Точка. Маленькая. Зелёная. Гриша.

Я подумала о нём. О мальчике с большими глазами. О том, как он ел пирожки. Как улыбался. Как сказал: «Тётя Аня, а можно мне ещё?»

И вдруг — я почувствовала. Как будто пол ушёл из-под ног. Как будто я падаю. Вниз. В темноту.

— Аня! — голос бабушки. Далеко. — Держись! Я с тобой!

Я открыла глаза.

Я стояла на поляне. Но не на той. Не на нашей.

Это была та же поляна — дуб, холмик, трава. Но всё было другим. Серая трава. Чёрное небо. Ни звёзд, ни луны. Только серый свет. Как будто кто-то выключил цвета.

А на холмике деда сидел мальчик.

Гриша.

Он смотрел на меня. И улыбался.

— Тётя Аня, — сказал он. — Ты пришла. Я знал. Я знал, что ты придёшь.

Я шагнула вперёд.

— Гриша, — сказала я. — Я пришла тебя забрать. Пойдём домой.

Он покачал головой.

— Не могу, — сказал он. — Он не пускает. Он говорит, что я теперь его. Что я — новый Хозяин. Что я буду тут жить. В лесу. Всегда.

Я подошла ближе. Села на корточки. Посмотрела ему в глаза.

— Гриша, — сказала я. — А ты хочешь тут жить? В лесу? Всегда?

Он задумался. Потом покачал головой.

— Нет, — сказал он тихо. — Я хочу домой. К маме. И в садик. И на качели. И пирожки. — Он посмотрел на меня. — Тётя Аня, а бабушка Зоя ещё испечёт пирожки?

— Испечёт, — сказала я. — Обязательно. Только ты должен пойти со мной. Сейчас.

Гриша посмотрел куда-то за мою спину. И вдруг его лицо изменилось. Стало взрослым. Злым.

— Не-е-ет, — сказал он. Голос был не его. — Он никуда не пойдёт. Он — мой. Я его выбрал. Я его вырастил. Я его... — он засмеялся, — я его люблю. Как ты любишь свою внучку. Как твоя бабка любила тебя. Он — моя кровь. Твоя кровь. Он — наследник.

Я встала.

— Он не твой, — сказала я. — Он — ребёнок. Ему пять лет. Он хочет домой. И я его заберу.

— Попробуй, — сказал Хозяин. — Только вот что. — Он поднял руку. И я увидела, как из земли вокруг Гриши поднимаются корни. Тонкие, как нити. Они обвивали его ноги. Руки. Шею. — Если ты его заберёшь — он умрёт. Потому что я — в нём. Я — его сердце. Его дыхание. Его кровь. Ты вытащишь меня — он умрёт. Ты оставишь меня — он будет жить. Но мой. Что выберешь, ведьма?

Я замерла.

— Аня! — голос бабушки. Из ниоткуда. — Не слушай! Он врёт! Он всегда врёт!

— Я не вру, — сказал Хозяин. — Я предлагаю выбор. Честный. Ты же любишь честность, ведьма? Твой дед любил. Твоя бабка любит. Ты — тоже. Так что выбирай. Ребёнок живёт, но мой. Или ребёнок умирает, но свободный. Что выберешь?

Я смотрела на Гришу. На корни. На его глаза. Детские. Испуганные.

И вдруг — я не знаю, откуда это пришло — я поняла. Поняла, что он врёт. Не про выбор. Про то, что он — сердце. Он не сердце. Он — паразит. Он присосался. Но не сросся. Ещё не сросся.

— Гриша, — сказала я. — Слушай меня. Ты мне веришь?

Он кивнул. Медленно.

— Тогда сделай то, что я скажу. Закрой глаза. И представь, что ты дома. У мамы. На кухне. Пьёшь чай. С пирожком. Представь. Сильно. Как будто это уже правда.

— Не смей! — заревел Хозяин. Корни дёрнулись. — Не смей его учить!

— Гриша! — крикнула я. — Закрой глаза! Сейчас!

Он закрыл.

И вдруг — корни задрожали. Затряслись. Начали отходить. Медленно, по одному.

— Что ты делаешь?! — заорал Хозяин. — Что ты делаешь, ведьма?!

— Я не делаю, — сказала я. — Он делает. Он представляет. А ты — ты не можешь держать того, кто не хочет быть твоим. Ты же сам сказал: «Он мой». А он — не твой. Он — свой. И он хочет домой.

Корни опали. Гриша открыл глаза. Улыбнулся.

— Тётя Аня, — сказал он. — Я дома. Я вижу маму. Она плачет. Но она рада.

Я взяла его за руку.

— Пошли, — сказала я. — Пошли домой.

И мы пошли. По серой траве. Под чёрным небом. К свету. К бабушке. К Максиму. К дому.

А за спиной — я слышала — Хозяин кричал. Звал. Угрожал. Но он не мог идти за нами. Потому что мы уже не были его.

Мы вышли.

Я открыла глаза. Настоящие. Настоящая поляна. Настоящий дуб. Настоящая бабушка. Держит меня за руку. Крепко. Максим. С прибором. Свеча. Горит.

— Аня! — бабушка схватила меня. — Аня, ты вернулась!

— Вернулась, — сказала я. — И не одна.

Рядом со мной — я не сразу заметила — стоял Гриша. Настоящий. Живой. Смотрел на нас. Улыбался.

— Бабушка Зоя, — сказал он. — А пирожки ещё есть?

Бабушка засмеялась. Сквозь слёзы.

— Есть, — сказала она. — Есть, милый. Пойдём домой. Все пойдём. Домой.

Мы пошли. Я несла Гришу на руках. Он был лёгкий. Тёплый. Живой.

А за спиной — я чувствовала — Хозяин смотрел. Молча. Зло. Но он не мог идти за нами. Потому что теперь у нас был наследник. Настоящий. Наш.

И это меняло всё.

Глава 4. «Оля, которая ничего не помнила»

Оля стояла посреди двора и не понимала, как сюда попала.

Я видела это по её глазам. Пустым, растерянным. Она смотрела на нас — на меня с Гришей на руках, на бабушку с топором, на Максима с прибором — и явно не понимала, что происходит.

— Гриша? — сказала она. — Гришенька? Что... что вы с ним сделали?

— Ничего, — сказала я. — Всё хорошо. Он жив. Он спит.

Мальчик действительно спал. Уснул у меня на руках, как только мы вышли из леса. Дышал ровно, спокойно. Щёки порозовели.

— Он... он в порядке? — Оля шагнула вперёд. — Что с ним было? Я помню... я помню, как мы шли. В лес. Он звал меня. Голосом. Своим голосом. А потом... — она замолчала. — Потом я ничего не помню.

Бабушка подошла. Положила руку ей на плечо.

— Ты шла за ним, — сказала она мягко. — В лес. Он тебя позвал. Не ты виновата. Он умеет звать. Особенно тех, кто любит.

— Кто «он»? — Оля посмотрела на бабушку. — О чём вы говорите? Какой «он»?

Бабушка переглянулась со мной.

— Пойдём в дом, — сказала она. — Поговорим. Только сначала... — она кивнула на Гришу, — положи его. Пусть спит.

Мы вошли. Я уложила Гришу на бабушкину кровать. Укрыла одеялом. Он спал так крепко, как будто не спал неделю. Может, и не спал.

На кухне бабушка зажгла керосинку. Налила чай. Поставила перед Олей.

— Пей, — сказала она. — И слушай.

Оля пила. Слушала. Молчала.

Бабушка рассказывала долго. Про деревню. Про Хозяина. Про то, что случилось год назад. Про то, что случилось сегодня. Оля слушала и бледнела.

— То есть... — сказала она, когда бабушка закончила, — то есть вы хотите сказать, что мой сын... что в него... что в Гришу вселился... дух? Демон? Кто?

— Хозяин, — сказала бабушка. — Так мы его называем. Он не дух. Не демон. Он... — она замялась, — он старше. Он был тут до всего. До леса. До деревни. До нас. И он хотел остаться. Через Гришу.

Оля посмотрела на меня.

— Аня, — сказала она. — Ты... ты же городская. Ты же нормальная. Ты же... — она запнулась. — Скажи мне, что это шутка. Скажи, что вы меня разыгрываете.

Я покачала головой.

— Не разыгрываем, — сказала я. — Я год назад тоже не верила. А потом спустилась в чёрную воду. И выгнала прохвоста. — Я помолчала. — А сегодня вытащила твоего сына из Хозяина. Изнутри. Так что... да. Это не шутка.

Оля заплакала. Тихо, без всхлипов. Просто слёзы текли по лицу.

— Я думала, я с ума схожу, — сказала она. — Когда он начал рисовать эти рисунки. Когда он начал говорить не своим голосом. Я думала — шизофрения. Или... или что-то ещё. Водила его к врачам. Они говорили: «Возрастное. Пройдёт». А оно не проходило.

Бабушка кивнула.

— Врачи не знают, — сказала она. — Они видят тело. А надо видеть душу. И то, что рядом с ней.

— И что теперь? — Оля вытерла слёзы. — Что с Гришей? Он... он здоров?

— Здоров, — сказала бабушка. — Но не совсем. — Она помолчала. — Хозяин ушёл. Из него. Но оставил след. Как ожог. Гриша теперь... — она подбирала слова, — он теперь видит. Больше, чем другие. Как ты, — она кивнула мне, — и как я. Только у него это само. Без обучения. И это опасно. Для него. И для тех, кто рядом.

Оля побледнела.

— Что значит «опасно»?

— Значит, что его будут видеть. Те, кто с той стороны. — Бабушка вздохнула. — Он для них как маяк. Светится. Ярко. Они пойдут на свет. Не потому что злые. А потому что им тоже... — она замялась, — им тоже нужно тепло. А у него его много. Детского. Чистого.

— И что делать? — Оля сжала чашку. — Как его защитить?

Бабушка посмотрела на меня.

— Аня, — сказала она. — Скажи ей.

Я села напротив Оли.

— Есть два пути, — сказала я. — Первый — уехать. В город. Далеко. Туда, где мало леса. Мало земли. Мало старых мест. Там Хозяин не достанет. И другие не достанут. Гриша вырастет. Забудет. Может, будет видеть что-то иногда. Но не больше, чем другие дети.

— А второй? — спросила Оля.

— Второй — остаться, — сказала я. — Здесь. В деревне. Учиться. У меня. У бабушки. Стать... — я замялась, — стать ведьмой. Или ведьмаком. Как он сам сказал. Научиться видеть. И не бояться. Научиться защищаться. И защищать других.

Оля молчала. Долго.

— А если он не захочет? — спросила она. — Если он испугается?

— Не испугается, — сказала бабушка. — Он уже не боится. Он вон как смело в лес пошёл. И пирожки ел. И с тенями разговаривал. — Она усмехнулась. — Он у нас смелый. В тебя.

Оля посмотрела на неё.

— В меня?

— В тебя, — сказала бабушка. — Ты же тоже в лес пошла. За ним. Не побоялась. Хотя не знала, что там. Это смелость. Настоящая. — Она помолчала. — Так что, Оля. Решай. Но не сейчас. Утром. Пусть Гриша проснётся. Пусть поест. А потом — поговорим.

Оля кивнула. Медленно.

— Ладно, — сказала она. — Утром.

Она встала. Пошла в комнату. К Грише. Я слышала, как она села рядом с кроватью. Как взяла его за руку. Как заплакала. Тихо-тихо.

Бабушка посмотрела на меня.

— Аня, — сказала она. — Ты понимаешь, что теперь будет?

— Что?

— Он не уйдёт, — сказала бабушка. — Хозяин. Он не ушёл. Он отступил. Потому что мы его выбили. Но он вернётся. За мальчиком. Или за кем-то другим. — Она помолчала. — И теперь у нас есть наследник. Мальчик. С даром. Которого надо учить. Которого надо защищать. Который... — она вздохнула, — который не готов. Пять лет. Слишком мало.

— И что нам делать? — спросила я.

Бабушка улыбнулась. Устало.

— То же, что всегда, — сказала она. — Жить. Учить. Защищать. Ждать. — Она встала. — А теперь — спать. Завтра будет тяжёлый день. Надо с утра собрать деревню. Объяснить. Про Гришу. Про Олю. Про то, что теперь у нас новый житель. Маленький. С даром.

— А они поймут?

— Поймут, — сказала бабушка. — Куда денутся. Они уже привыкли. К ведьмам. К топорам. К соли на пороге. — Она усмехнулась. — А теперь привыкнут к мальчику. Который видит то, чего не видят другие.

Она ушла к себе. Я осталась на кухне. Одна.

Смотрела в окно. На лес. На тени.

Тени стояли на опушке. Смотрели. Ждали.

А в комнате спал мальчик. Пяти лет. С большими глазами. С даром. С светом внутри.

И я знала — теперь я за него отвечаю.

Как бабушка когда-то — за меня.

Глава 5. «Сходка, на которой решали судьбу мальчика»

Утром бабушка подняла деревню на уши.

Я не знаю, как она это делала. Ни телефонов, ни громкоговорителей. Но уже к девяти утра у нашего дома стояла вся деревня. Сонные, хмурые, кто с чем — кто с вилами, кто с кочергой, кто просто с пустыми руками.

Бабушка вышла на крыльцо. Рядом — я. За нами — Оля с Гришей. Мальчик проснулся час назад, съел четыре пирожка и теперь сидел на завалинке, болтал ногами и с интересом разглядывал толпу.

— Так, — сказала бабушка. — Слушаем все. Я скажу один раз.

Толпа затихла.

— Ночью мы вытащили мальчика из Хозяина. — Бабушка обвела всех взглядом. — Он живой. Здоровый. Но не совсем обычный. Он теперь видит. Как мы с Аней. Только у него это само. Без обучения.

Толпа зароптала. Тётя Люба охнула. Дядя Гриша почесал затылок.

— И что теперь? — спросил кто-то из мужиков. — Он что, тоже ведьмак?

— Ведьмак, — кивнула бабушка. — Только маленький. Пять лет. И он останется тут. С матерью. — Она кивнула на Олю. — Оля — наша. Кровная. Двоюродная сестра Ани. Значит, и Гриша — наш.

— А он безопасен? — спросила женщина с ребёнком на руках. Та самая, что год назад спрашивала про «правда мой ребёнок». — Ну, этот мальчик? Он же был... с Хозяином. Вдруг он... того?

Бабушка посмотрела на неё.

— Безопасен, — сказала она. — Пока мы его учим. Пока мы его защищаем. Пока он не остаётся один. Потому что он — маяк. Светится. И те, кто с той стороны, пойдут на свет. Но если он будет тут, с нами, под присмотром — они не сунутся. Побоятся.

— А если сунутся? — не унималась женщина.

— Тогда мы их встретим, — сказала бабушка. — Как всегда. Солью. Топором. Техникой. — Она кивнула на Максима. — Инженер нам поможет.

Максим вышел вперёд. Поднял прибор.

— Я могу настроить его на защиту, — сказал он. — Не только на поиск. Сделаю что-то вроде... — он замялся, — ну, как забор. Невидимый. Вокруг дома. И вокруг мальчика. Чтобы ничего не проходило.

Толпа загудела. Уже спокойнее. Уже с надеждой.

— А учить его кто будет? — спросил дядя Гриша. — Ну, ведьмацкому делу?

— Я, — сказала бабушка. — И Аня. И дед. Он уже с ним разговаривал. Вчера. Когда мы его несли. Говорит, мальчик способный. Слышит.

— Дед? — переспросил кто-то. — Пётр Ильич? Так он же...

— Он же — наш дед, — сказала бабушка. — И он всегда с нами. Кто не верит — может сходить на поляну. Проверить. — Она усмехнулась. — Только не ночью. Днём. А то мало ли.

Толпа засмеялась. Напряжение спало.

— И ещё, — сказала бабушка. — Оля. Мать мальчика. Она останется тут. С ним. В деревне. Дом ей выделим. У Петровых изба пустая стоит. Починим. Жить будет. Работать будет. — Она посмотрела на Олю. — Ты не против?

Оля вышла вперёд. Бледная, но спокойная.

— Я... — она запнулась. — Я не знаю, что сказать. Я городская. Я ничего не умею. Ни соли, ни топора, ни трав. Но... — она посмотрела на Гришу, — но я хочу, чтобы он был в безопасности. И если тут безопаснее — я останусь. Насовсем. Если примете.

Толпа молчала. Потом тётя Люба вышла вперёд. Подошла к Оле. Обняла.

— Примем, — сказала она. — Куда денемся. Свои же.

За ней подошла другая женщина. Потом ещё. Потом мужики закивали. Дядя Гриша сказал: «Ну, раз Зоя Петровна говорит — значит, так и надо».

Бабушка кивнула.

— Вот и ладно. Вот и хорошо. — Она хлопнула в ладоши. — А теперь — работать. Петровым — избу готовить. Любе — травы сушить. Мужикам — забор вокруг дома нового ставить. Инженеру — прибор настраивать. Аня — со мной. Будем с Гришей заниматься. Первый урок.

Толпа начала расходиться. Я подошла к бабушке.

— Бабуль, — сказала я тихо. — А какой первый урок? Ему же пять лет.

— Первый урок, — сказала бабушка, — самый важный. Называется «не бойся». — Она посмотрела на Гришу. — Пойдём, милый. Будем учиться.

Урок проходил во дворе.

Бабушка поставила Гришу посреди двора. Вручила ему маленький мешочек с солью — специально сшитый, детский, на верёвочке.

— Держи, — сказала она. — Это твоё. Всегда с собой. Понял?

Гриша кивнул. Взял мешочек. Повертел в руках.

— А что с ним делать?

— Кидать, — сказала бабушка. — Если что-то страшное увидишь. Или почувствуешь. Или услышишь. Кидай. В то, что страшное. Соль сама знает, куда лететь.

Гриша задумался.

— А если я не попаду?

— Попадёшь, — сказала бабушка. — Ты же не руками кидаешь. Ты сердцем. А сердце у тебя большое. Я видела.

Гриша улыбнулся. Взял щепотку соли. Бросил. Соль упала в двух шагах.

— Мимо, — сказал он расстроенно.

— Первый раз — всегда мимо, — сказала бабушка. — Ты не в пень кидай. Ты в то, что за пнём. В тень. В пустоту. Понимаешь?

Гриша прищурился. Посмотрел на пень. Потом — чуть мимо пня. Как будто увидел что-то, чего мы не видели.

— Ага, — сказал он. — Вижу. Там кто-то есть. Маленький. Серый. Сидит и смотрит.

Бабушка замерла.

— Кто? — спросила она.

— Ну... — Гриша задумался. — Как кошка. Только не кошка. Серая. Пушистая. Глаза жёлтые. Сидит на пне. Смотрит.

Бабушка медленно выдохнула.

— Это домовой, — сказала она. — Наш. Дворовый. Он тут давно живёт. Я его не вижу. А ты видишь. — Она посмотрела на меня. — Аня. Он видит домового. С первого раза. Без обучения.

Я кивнула. Внутри что-то сжалось. И — странно — одновременно отпустило.

— Это хорошо? — спросила я.

— Это очень хорошо, — сказала бабушка. — Это значит, у него дар. Настоящий. Сильный. — Она помолчала. — И это значит, что учить его надо осторожно. Потому что сила без осторожности — беда.

Гриша смотрел на пень. Улыбался.

— Бабушка Зоя, — сказал он. — А можно я его покормлю? Ну, этого. Серого. Он голодный. Говорит, что давно не кормили.

Бабушка усмехнулась.

— Можно. Молоком. В блюдечко. Поставь у пня. И скажи: «Ешь, хозяин. Не обижайся». Понял?

Гриша кивнул. Убежал на кухню. Вернулся с блюдечком молока. Поставил у пня. Сказал: «Ешь, хозяин. Не обижайся».

И — я видела — молоко в блюдечке дрогнуло. Как будто кто-то невидимый начал лакать.

Гриша засмеялся.

— Пьёт! — сказал он. — Пьёт!

Бабушка смотрела на него. И улыбалась. Тихо. Счастливо.

— Ну вот, — сказала она. — Первый урок усвоен. Теперь — второй.

— Какой? — спросил Гриша.

— Топор, — сказала бабушка.

Я поперхнулась.

— Бабуль, ему пять лет!

— А деду было шесть, когда его учить начали, — сказала бабушка. — И ничего. Вырос. Ведьмаком стал. — Она посмотрела на Гришу. — Только топор будет не настоящий. Деревянный. Сделаем. Инженер вырежет.

Максим, который как раз проходил мимо с инструментами, остановился.

— Я? Вырежу?

— Ты, — сказала бабушка. — Ты же инженер. Тебе и карты в руки. — Она подмигнула. — Деревянный топор. Для обучения. Чтобы мальчик привыкал. И не рубил себе ничего лишнего.

Максим вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Вырежу.

Гриша подбежал к нему. Дёрнул за рукав.

— Дядя Максим, — сказал он. — А ты мне ещё прибор сделаешь? Ну, как у тебя? Только маленький. Чтобы я мог... — он замялся, — чтобы я мог слышать, когда кто-то идёт. Из леса.

Максим посмотрел на него. Потом на меня. Потом на бабушку.

— Сделаю, — сказал он. — Только сначала — топор. Договорились?

— Договорились! — Гриша просиял. — А можно я с тобой в мастерскую пойду? Ну, посмотреть? Я тихо буду. Честное слово.

Максим усмехнулся.

— Пошли, — сказал он. — Только ничего не трогай. А то знаю я вас, ведьмаков.

Они ушли. Бабушка смотрела им вслед. Улыбалась.

— Хороший мальчик, — сказала она. — Светлый. Несмотря ни на что. Не сломался.

— Бабуль, — сказала я. — А что дальше? Ну, когда мы его научим? Что тогда?

Бабушка помолчала.

— А дальше, — сказала она, — будет то, что всегда. Жизнь. Работа. Пирожки. — Она усмехнулась. — И ещё, Аня. Я тебе одну вещь скажу. Только ты не пугайся.

— Говори.

— Я чувствую, — сказала бабушка. — Хозяин не ушёл. Он затаился. Где-то там. Глубоко. Ждёт. — Она посмотрела на лес. — И когда он вернётся — а он вернётся, — он придёт не за мальчиком. Он придёт за нами всеми. За деревней. За всем, что мы построили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.